

<https://doi.org/10.22363/2312-8674-2026-25-2-373-385>

EDN: LIZCTV

Научная статья / Research article

Судьба дворцов царствующих особ в советское время: дворец эмира Бухарского в Железноводске

Егор Андреевич Боголюбов

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»,
Санкт-Петербург, Россия
✉ bogolubovegor@mail.ru

Аннотация: Отношение советской власти к дворцам царствующих особ в первые годы было неоднозначным. Фокус изучения проблемы направлен на дворцы эмира Бухарского, которые ранее не рассматривались в качестве символических объектов. В 1926 г. Узбекская ССР предприняла попытку забрать себе дворец эмира Бухарского в Железноводске. Источником для анализа послужила переписка узбекских властей с союзными и российскими органами власти по поводу передачи дворца Узбекской ССР. Указанная переписка хранится в фондах Государственного архива РФ. В обращениях и ответах органов власти нашло отражение видение дальнейшей судьбы дворца. Изучая заявленную проблематику, удалось выяснить основные аргументы Узбекской ССР по поводу передачи дворца в Железноводске. Постоянное представительство республики при правительстве СССР отмечало, что у республики нет курортов для лечения больных и что Узбекская ССР имеет юридические права на дворец, поскольку он построен на средства от эксплуатации бухарского народа. Кроме того, дворец предполагалось использовать в агитационных целях. Однако эти доводы оказались неубедительными, и дворец остался в собственности РСФСР. Привлечение информации о судьбе дворцов эмира Бухарского в Ялте, а также о Ливадийском дворце позволило прийти к выводу, что фактическое и предполагаемое использование дворцов эмира Бухарского практически полностью совпадало с подходом РСФСР к дворцам Романовых. В то же время передача дворца в Железноводске имела бы и символическое значение для Узбекской ССР, которая могла бы заявить о себе как о преемнице Бухарского эмирата и Бухарской республики.

Ключевые слова: правопреемство, имперское наследие, крестьянский курорт, музей быта, Бухара, национальное размежевание

Для цитирования: Боголюбов Е.А. Судьба дворцов царствующих особ в советское время: дворец эмира Бухарского в Железноводске // Вестник Российского университета дружбы народов. История России. 2026. Т. 25. № 2. С. 373–385. <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2026-25-2-373-385> EDN: LIZCTV

© Боголюбов Е.А., 2026

This work is licensed under a Creative Commons Attribution-NonCommercial 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

The Fate of the Palaces of the Royal Family in Soviet Times: The Palace of the Emir of Bukhara in Zheleznovodsk

Egor A. Bogoliubov

HSE University, Saint Petersburg, Russia

✉ bogolubovegor@mail.ru

Abstract: The attitude of the Soviet government towards the palaces of former reigning personages in the early years was ambiguous. In their article, the author focuses on the palaces of the Emir of Bukhara, which had not previously been considered as symbolic objects. In 1926, the Uzbek SSR attempted to take over the palace of the Emir of Bukhara in Zheleznovodsk. The source for their analysis was the correspondence of the Uzbek authorities with the allied and Russian authorities regarding the transfer of the palace to the Uzbek SSR. The specified correspondence is stored in the funds of the State Archive of the Russian Federation. The appeals and responses of the authorities reflected the vision of the potential future fate of the palace. By studying the stated issue, it is possible to identify the main arguments of the Uzbek SSR regarding the transfer of the palace in Zheleznovodsk. The Permanent Mission of the Republic to the Government of the USSR noted that the republic does not have enough facilities for the treatment of patients, and that the Uzbek SSR has legal rights to the palace, since it was built with funds from the exploitation of the Bukhara people. In addition, the palace was supposed to also be used for propaganda purposes. However, these arguments proved inconclusive at the time, and the palace remained in the ownership of the RSFSR. The attraction of information about the fate of the palaces of the Emir of Bukhara in Yalta, as well as about the Livadia Palace, allowed us to conclude that the actual and intended use of the palaces of the Emir of Bukhara generally coincided with the approach of the RSFSR to the palaces of the Romanovs. At the same time, the transfer of the palace in Zheleznovodsk would have had probably have symbolic significance for the Uzbek SSR, as it could declare itself as the successor of the Bukhara Emirate, the Bukhara Republic.

Keywords: succession, imperial heritage, peasant resort, museum of everyday life, Bukhara, national demarcation

For citation: Bogoliubov, E.A. “The Fate of the Palaces of the Royal Family in Soviet Times: The Palace of the Emir of Bukhara in Zheleznovodsk.” *RUDN Journal of Russian History* 25, no. 2 (May 2026): 373–385 (in Russian). <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2026-25-2-373-385> EDN: LIZCTV

Введение

Актуальность избранной темы обусловлена важностью изучения истории сохранения в советский период культурного наследия, связанного, в частности, с эпохой Бухарского эмирата. Эмиры Бухары построили в Российской империи дворцы (в Железноводске и Ялте, а также дом в Санкт-Петербурге). Наличие эмирской недвижимости в России свидетельствовало о перспективах дальнейшего взаимодействия и инкорпорации мусульманской элиты в российское общество¹. После прихода к власти большевиков имущество эмира перешло в собственность РСФСР.

Дворцы царствующих особ представляют собой уникальные образцы архитектуры и культурного наследия. Изучение их судьбы в советский период позволяет выявить, как изменилась роль и восприятие культурных объектов в условиях исторических трансформаций. В современном мире наблюдается рост интереса к вопросам защиты культурного наследия и прав собственности на него. Исследование судеб

¹ *Брежнева С.Н.* Визиты правителей среднеазиатских протекторатов России в Санкт-Петербург на рубеже XIX–XX вв.: коммуникативная практика // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. 2021. Т. 20. № 3. С. 411–425. DOI: 10.22363/2312-8674-2021-20-3-411-425 EDN: SOLQRG

дворцов в советский период может выявить существующие проблемы, связанные с правами на историческую недвижимость в нашей стране, а также осветить современные подходы к сохранению памятников, что имеет значение для формирования культурной политики в разных странах.

Степень изученности проблемы. В современной историографии можно выделить две точки зрения на востребованность имперского наследия в советский период. Одни авторы утверждают, что большевики стремились уничтожить имперскую культуру и создать взамен разрушенного нечто новое. Другие ученые полагают, что разрыв был не столь катастрофическим, а некоторые реалии прошлого даже были востребованы в советское время².

Мемориальной политике посвящено большое количество работ, основанных на теоретико-методологических построениях классиков западных *memory studies*. Однако при таком многообразии книг и статей практически отсутствуют специальные исследования, посвященные конкретным типам и группам таких источников, как мемориальные сооружения³. Одним из таких источников может быть дворец как объект мемориальной политики. К примеру, отношение советской власти к императорским дворцам существенно изменилось со временем⁴, в некоторых из них были открыты музеи истории и быта⁵. В первое послереволюционное десятилетие дворцы либо агрессивно маркировались присутствием новой власти (переименования, появление революционных захоронений), либо репрезентировались как трофеи. Такое отношение к пространству власти прекратилось к началу 1930-х гг., когда дворцам стали возвращать их изначальное функциональное назначение. В эти же годы пространства власти закрылись для посещений⁶.

Такие выводы о судьбе имперского наследия были сделаны на основе истории дворцов, принадлежавших Романовым. Имущество правителей других государств, которые строили на территории Российской империи свои дворцы, осталось практически не изученным.

Цель исследования – определить характерные черты политики правительства РСФСР по отношению к дворцу эмира Бухарского в сравнении с аналогичными памятниками архитектуры, в том числе резиденциями царствующих особ в советское время.

Источниковая база. Исследование основывается на архивных источниках, а именно на переписке постоянного представительства Узбекской ССР при правительстве СССР с органами власти РСФСР и СССР о передаче дворца эмира Бухарского в Железноводске в собственность Узбекской ССР. Материалы переписки выявлены в фондах Государственного архива Российской Федерации: Совет Министров РСФСР (Совмин РСФСР) (Ф. А259), Всероссийский Центральный Исполнительный

² См. подробнее: *Болтунова Е.М.* Жизнь после смерти: тронные залы Российской империи в советское/постсоветское время (на примере Грановитой палаты Московского Кремля) // Труды Русской антропологической школы. 2011. № 8. С. 154–155. EDN: RDVKIF

³ *Попов А.Д.* Мемориальное сооружение как источник по истории памяти: комплексный подход к изучению // Уральский исторический вестник. 2024. № 3 (84). С. 98. DOI: 10.30759/1728-9718-2024-3(84)-98-106 EDN: ЕРААСL

⁴ *Болтунова Е.М.* Дворец как часть советского/постсоветского городского ландшафта (на примере Путевого дворца Екатерины II в Твери) // Труды Русской антропологической школы. 2012. № 11. С. 127–155. EDN: РОМУДL

⁵ *Малород Д.Д.* Музей истории и быта в Елагиноостровском дворце: из истории бытования в конце 1910–1920-е гг. // Музей. Памятник. Наследие. 2021. № 2 (10). С. 88–100. EDN: PSFGRV

⁶ См. подробнее: *Болтунова Е.* Державность по-советски: Имперское пространство советских 70-х // Новое литературное обозрение. 2013. № 5 (123). С. 89–92. EDN: RPULWJ

Комитет Советов рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов (ВЦИК) (Ф. Р1235), Центральный Исполнительный Комитет СССР (ЦИК СССР) (Ф. Р3316), Совет Министров СССР (Ф. Р5446). Сведения об истории дворца в Железноводске в дореволюционной России обнаружены в Российском государственном историческом архиве в фонде 525 «Канцелярия императрицы Александры Федоровны».

Отношение советской власти к дворцу эмира Бухарского в Железноводске

Дворец (дача) эмира Бухарского в Железноводске был построен в 1912 г. На следующий год эмир в связи с 300-летием дома Романовых передал дворец для нужд благотворительных учреждений, состоявших под покровительством Государыни Императрицы Александры Федоровны⁷. Здание решено было использовать как помещение для нуждающихся в укреплении здоровья малоимущих тружениц за плату, которая бы покрывала расходы на содержание их и самой дачи, а также по оборудованию и содержанию здания⁸. С тех пор дворец использовался исключительно для лечебных целей. После революции он перешел в собственность РСФСР.

В январе 1926 г. постоянное представительство Узбекской ССР при правительстве СССР направило в СНК РСФСР обращение с просьбой передать дворец в Железноводске Узбекской ССР. Документ начинался с указания на отсутствие в республике курортов для лечения больных. Именно этот аргумент был обозначен в качестве основного. В письме постоянного представительства Узбекской ССР было указано, что после национального размежевания Средней Азии «Узбекистан лишился 4-х курортов бывший Туркеспублики, которые отошли к соседним республикам»⁹.

Забота о здоровье трудящихся Узбекской ССР и в дальнейшем выступала важным аргументом в споре о передаче дворца узбекским властям, которые начинали свои обращения со слов:

Узбекистан в отношении курортного лечения трудящегося населения поставлен в крайне тяжелое положение¹⁰.

Узбекская ССР до последнего возлагала большие надежды на санаторий и стремилась привести новые аргументы в подтверждении своей позиции. Уже после принятия окончательного решения ЦИКом СССР, но, видимо, до получения известий об этом в Узбекистане, ЦИК Советов Узбекской ССР просил ЦИК СССР учесть потребности республики в курортном лечении. В письме от 24 октября 1927 г. указывалось, что в республике проживает «большое количество больных желудочных, различными заболеваниями печени мочевых органов и болезнями обмена веществ», «в 1926 г. до 1000 человек больных было признано нуждающимися в лечении в Железноводске». Передача дворца эмира Бухарского в Железноводске должна была облегчить работу республиканского народного комиссариата здравоохранения¹¹.

Во время рассмотрения прошения дворца до 31 декабря 1927 г. был сдан Центральному управлению социального страхования (далее – Цусстрах) при Наркомате труда (далее – Наркомтруд) СССР¹². Цусстрах привлекался к делу аренды санатор-

⁷ Российский государственный исторический архив (далее – РГИА). Ф. 525. Оп. 2 Вн. оп. 216/2714. Д. 88А. Л. 1–2.

⁸ Там же. Л. 36–37.

⁹ Государственный архив Российской Федерации (далее – ГАРФ). Ф. Р1235. Оп. 71. Д. 80. Л. 21.

¹⁰ Там же. Л. 17.

¹¹ Там же. Ф. Р3316. Оп. 19. Д. 368. Л. 16–16 об.

¹² Там же. Ф. Р1235. Оп. 71. Д. 80. Л. 22.

ных коек местными организациями, а в 1926 г. в его ведение были переданы дома отдыха. Наркомздрав РСФСР осуществлял надзор за курортным лечением¹³, поэтому он также был адресатом писем о дворце.

Российские органы власти наиболее полно и категорично отвечали на просьбу Узбекской ССР об использовании дворца в качестве санатория. 2 февраля 1926 г. Наркомтруд РСФСР выступил против передачи дворца¹⁴. Свои доводы он изложил в трех пунктах. Во-первых, в санатории размещено свыше 70 коек, что составляло более трети всех коек, имеющих в распоряжении Цусстраха в Железноводск¹⁵. Наркомтруд РСФСР не хотел отдавать этот дворец, поскольку город имел «слишком важное значение для лечения рабочих от профзаболеваний», а других помещений там найти не удавалось.

Во-вторых, санаторий, распложенный во дворце, обслуживал всех застрахованных трудящихся СССР, в том числе и из Узбекской ССР, поэтому трудящиеся этой республики также имели к нему доступ. 9 февраля 1926 г. СНК РСФСР отклонил ходатайство Узбекской ССР, но одновременно с этим предложил учитывать нужды этой республики при распределении мест в санатории¹⁶. Тем самым главный аргумент Узбекской ССР (отсутствие курортов) как бы удовлетворялся, поскольку трудящиеся республики получали доступ к лечению и дворцу.

В-третьих, в Наркомтуде РСФСР сомневались, что Узбекская ССР сможет должным образом распорядиться санаторием из-за отдаленности от Железноводска. В документе написано, что дворец

был бы использован самым нецелесообразным образом, ибо он служил бы не местом лечения для рабочих, особенно остро страдающих от тех или иных профзаболеваний, а скорее всего домом отдыха для незначительных групп застрахованных Узбекской ССР¹⁷.

Еще один довод о невозможности и даже вредности передачи дворца Узбекской ССР был приведен в отзыве наркома здравоохранения Н.А. Семашко, который указал, что

организация отдельными Республиками своих собственных санаториев на курортах других Союзных Республик с выделением из общего курортного хозяйства данной республики является делом весьма вредным и с медицинской, и с хозяйственной стороны¹⁸.

Перечисленные выше доводы Наркомтруда и Наркомздрава РСФСР послужили основаниями для отказа в удовлетворении прошения Узбекской ССР. Дворец продолжили использовать в качестве санатория. В 1937 г. в здании находился санаторий ВЦСПС № 41 на 85 коек¹⁹.

Таким образом, отношение советской власти к дворцу эмира Бухарского в Железноводске с самого начала было функциональным. Большевики продолжили использовать его в качестве санатория, каким он стал еще в 1914 г. Дворец является местом лечения и по сей день. Если дворцам Романовых лишь со временем возвращалась их изначальная функция, то здание дворца в Железноводске никогда не утрачивало своего предназначения.

¹³ Кузнецова Л.А. Курортное строительство в 1920–1950-е годы: вопросы организации и управления // Труды Института российской истории РАН. 2014. № 12. С. 256. EDN: VKSZXH

¹⁴ ГАРФ. Ф. Р1235. Оп. 71. Д. 80. Л. 18.

¹⁵ По другим данным коек было 80. См.: Павлов М., Польская Е. Дворец Эмира Бухарского // Памятники Отечества. 2001. № 49. С. 137.

¹⁶ ГАРФ. Ф. Р1235. Оп. 71. Д. 80. Л. 19.

¹⁷ Там же. Л. 18.

¹⁸ Там же. Ф. А259. Оп. 106. Д. 2226. Л. 2.

¹⁹ Азлецкий В.А. Железноводск. Научно-популярное описание курорта. Пятигорск, 1937. С. 72.

Апеллирование узбекских властей к «поту и крови бухарского народа»

Руководство Узбекской ССР считало, что у республики есть правовые основания для возвращения в свою собственность дворца эмира Бухарского в Железноводске. В документах это обосновывалось следующим образом:

С изгнанием эмира восставшим народом было бы исторически последовательным и юридически справедливым передать это имущество, созданное путем эксплуатации трудящихся Бухары, узбекскому народу для использования его в качестве санатория²⁰.

При этом не было приведено никаких ссылок на законодательство.

В обращении от 24 октября 1927 г. ЦИК Советов Узбекской ССР немного иначе сформулировал юридическое основания передачи дворца. В документе было написано, что дворец был построен

на деньги, добытые потом и кровью бухарского народа и отнятые эмиром у последнего, а потому и должен был бы после свержения эмира перейти в собственность бухарского народа, Бухарской республики²¹.

Эти слова хорошо показывают порядок правопреемства дворца: пот и кровь бухарского народа – бухарский народ – Бухарская народная советская республика (далее – БНСР) – Узбекская ССР. В такой системе Узбекская ССР предстает прямой наследницей БНСР, а та основывает свои претензии на дворец не через правопреемство от Бухарского эмирата, а через «пот и кровь бухарского народа», за чей счет и был построен дворец.

Схожая логика присутствовала и в официальных документах. Например, в Конституции БНСР 1922 г. в первых же статьях закреплялось, что бухарский народ берет власть в свои руки и устанавливает новый порядок, а Бухарское ханство объявляется БНСР²². Новая власть Бухары не видела себя продолжателем власти эмира, а брала свою легитимность от народа.

Апеллирование к «поту и крови бухарского народа» было единственно возможным в тех обстоятельствах, поскольку других юридических оснований у Узбекской ССР не было. Дворец эмира Бухарского в Железноводске был построен в 1912 г. Эмир никогда дворец не посещал и в 1913 г. передал его в собственность российского императора. 29 апреля 1914 г. состоялась официальная передача дворца в ведение Канцелярии Ея Величества Государыни Императрицы Александры Федоровны²³. Все это говорит о том, что дворец выбыл из собственности эмира Бухарского задолго до революции. Однако это обстоятельство не помешало Узбекской ССР написать о «юридической справедливости» передачи дворца.

Отношении к собственности бывшего эмира в Бухарской республике было более утилитарным: БНСР решила сделать его имущество достоянием республики. Уже в Воззвании Бухарского революционного комитета к трудящимся Бухары от 29 августа 1920 г. было объявлено, что все земли, принадлежащие членам царствовавшего дома, являются народным достоянием, которое предназначается для безземельного населения и беднейшего крестьянства²⁴. Аналогичные положения были закреплены и в «Манифесте Временного революционного комитета БНСР о победе

²⁰ ГАРФ. Ф. Р1235. Оп. 71. Д. 80. Л. 21.

²¹ Там же. Ф. Р3316. Оп. 19. Д. 368. Л. 16–16 об.

²² Конституция (Основной закон) Бухарской Народной Советской Республики. 18 августа 1922 г. // Образование Союза Советских Социалистических Республик: Сб. док. М., 1972. С. 277.

²³ РГИА. Ф. 525. Оп. 2 Вн. оп. 216/2714. Д. 88Б. Л. 101.

²⁴ История Бухарской Народной Советской Республики (1920–1924 гг.): сборник документов. Ташкент: Фан, 1976. С. 28.

революции и основных задачах народной советской власти», изданном не ранее 2 сентября 1920 г.²⁵, и в декрете № 6 Центрального революционного комитета БНСР о земле от 5 октября 1920 г.²⁶

В проекте декрета о земле содержалось обоснование передачи земель эмира в народное достояние. В преамбуле было сказано:

эмир и баи-капиталисты сами не обрабатывали землю, а принуждали работать на них трудящихся бедняков²⁷.

Такая формулировка созвучна той, с помощью которой объяснялась передача дворца эмира Бухарского Узбекской ССР.

В приведенных документах речь, скорее всего, шла обо всех эмирских землях, находящихся на территории БНСР и за ее пределами. В РСФСР 26 октября (8 ноября) 1917 г. также был принят Декрет о земле. По мнению ученых и российского правительства, на основании этого документа национализации подлежали все земли, в том числе находившиеся за рубежом²⁸. Возможно, этой же логики придерживалось и правительство БНСР.

О заграничном недвижимом имуществе Бухарского эмирского правительства говорится в союзном договоре между РСФСР и БНСР от 4 марта 1921 г. Согласно ему страны безвозмездно передавали свое имущество, находившееся на территории другого государства, в собственность этого государства. В частности, в ст. 8 было сказано, что БНСР

безвозмездно передает РСФСР находящиеся на территории последней недвижимости, принадлежащие Бухарскому эмирскому правительству²⁹.

Непосредственно о дворцах в первых декретах БНСР ничего не говорилось, но уже в то время они использовались для проведения различных мероприятий. 17 сентября 1920 г. комиссия для созыва I Всебухарского курултая народных представителей (депутатов) приняла решение о проведении курултая в Ситораи Мохи-Хосса – загородном дворце бухарских эмиров, расположенном в 4 км к северу от Бухары. 6 октября 1920 г. курултай преступил к работе в этом дворце в составе 1950 делегатов³⁰.

В процессе национального размежевания Средней Азии БНСР прекратила свое существование. В 1924 г. II сессия БухЦИКа утвердила состав Революционного комитета Узбекской ССР, провозгласила включение всей территории Бухарской ССР (за исключением части ее, отходящей к Туркменской ССР) в состав Узбекской ССР и объявила о передаче всей полноты власти вновь организованному Революционному комитету Узбекской ССР³¹. Решением II сессии БухЦИКа фактически было закреплено юридическое правопреемство от Бухарской республики к Узбекской ССР.

Власти только что образованной Узбекской ССР стремились показать и символическое правопреемство. Файзулла Ходжаев (до размежевания был председателем Совета Народных Назиров БНСР, а после стал председателем СНК Узбекской ССР)

²⁵ История Бухарской Народной Советской республики (1920–1924 гг.): сборник документов. Ташкент: Фан, 1976. С. 37.

²⁶ Там же. С. 285.

²⁷ Там же. С. 102.

²⁸ Томсинов В.А. Дело о мемориале цесаревича Николая Александровича в Ницце (статья вторая) // Вестник Московского университета. Серия 11: Право. 2011. № 2. С. 18–19. EDN: NYGDQR

²⁹ История Бухарской Народной Советской республики. С. 198–203.

³⁰ Ишанов А.И. Создание Бухарской Народной Советской Республики (1920–1924 гг.). Ташкент, 1955. С. 79–81.

³¹ Там же. С. 169–170.

еще в феврале 1924 г. предлагал «создание Узбекистана на базе Бухары», а затем говорил об Узбекистане как о Великой Бухаре. Учредительные съезды Коммунистической партии Узбекистана прошли в г. Бухаре³². Столицей новой союзной республики стала Бухара, затем – Самарканд, город расположенный близко к бывшей Бухаре. Тем самым подчеркивалась роль бухарской элиты в создании Узбекистана³³.

Таким образом, у Узбекской ССР не было юридических оснований для возвращения дворца в Железноводске в собственность республики. Дворец был передан эмиром в 1913 г. российскому императору, после чего перешел в собственность РСФСР. Претензии на дворец эмира Бухарского в Железноводске напоминают аналогичные претензии Российской Федерации на земельный участок и собор Святого Николая в Ницце, когда российской стороне с помощью юридических доводов удалось доказать правопреемство между Российской империей и Советским Союзом³⁴. У Узбекской ССР не было юридических оснований, поэтому властям пришлось обращаться к вкладу бухарского народа в строительство дворца. Однако эти доводы не были услышаны.

Опыт использования большевиками дворцов царствующих особ в РСФСР и в БНСР

Впервые о значимости дворца в Железноводске для агитации главенствующего положения трудящихся Узбекистана было упомянуто в отзыве Туркменской ССР на ходатайство Узбекской ССР «О передаче Правительству УзССР дворца б. эмира Бухарского в Железноводске» от 3 июля 1926 г. Постоянное представительство Туркменской ССР при правительстве СССР считало, что

передача бывшего эмирского дворца в пользование беднейшего населения Узбекистана, в котором живут угнетавшиеся бывшими эмирами бухарские рабочие и крестьяне, будет иметь еще больше агитационное значение, чем санаторий в Ливадии для русских крестьян³⁵.

Затем к сравнению дворца эмира Бухарского и Ливадийского дворца обратился уже постоянный представитель Узбекской ССР. В письме в адрес СНК СССР от 2 февраля 1927 г. он указал:

политически не менее, чем для РСФСР, важно дать возможность трудящимся УзССР использовать [дворец эмира Бухарского в Железноводске] в качестве санатория, как это сделано с Ливадийским дворцом в Ялте³⁶.

Что же общего было у этих двух дворцов? Каким виделось узбекским властям будущее дворца эмира Бухарского? Как его можно было использовать для агитации в советское время? Чтобы ответить на эти вопросы, нужно обратиться к истории Ливадийского дворца, на материале которого можно увидеть, как советская власть использовала бывшие царские резиденции.

³² *Khalid, A.* Making Uzbekistan: Nation, empire, and revolution in the early USSR. Ithaca, London, 2015. P. 273, 277.

³³ *Абашинов С.* Национализм и национализм: Средняя Азия // Россия и мусульманский мир. 2009. № 12. С. 118. EDN: KXWZWN

³⁴ См. подробнее: *Томсинов В.А.* Дело о мемориале цесаревича Николая Александровича в Ницце (статья четвертая) // Вестник Московского университета. Серия 11: Право. 2011. № 4. С. 16–35.

³⁵ ГАРФ. Ф. Р5446. Оп. 8. Д. 224. Л. 16–16 об.

³⁶ Там же. Л. 4.

В юридическом плане судьба Ливадийского дворца была такой же, как и судьба имущества эмира Бухарского в БНСР. 1 декабря 1920 г. все имения Южного берега Крыма были объявлены достоянием РСФСР. 21 декабря 1920 г. был издан декрет СНК РСФСР «Об использовании Крыма для лечения трудящихся», в котором говорилось:

дворцы бывших царей и великих князей должны быть использованы под санатории и здравницы рабочих и крестьян³⁷.

На территории имения в начале 1920-х гг. работал дом отдыха, основанный на хозяйственном расчете, то есть отдыхающие вносили определенную плату за пребывание³⁸. Но отдыхали не в самом дворце.

11 августа 1921 г. Большой и Малый Ливадийские дворцы были объявлены собственностью Республики и перешли в полное распоряжение подотдела по делам музеев и охраны памятников старины и искусства Крымнаробраза (Крымохрис). 18 марта 1922 г. Малый Ливадийский дворец решено было сделать Музеем быта последней династии Романовых. Музей был открыт 16 июля 1922 г. и просуществовал до 1 октября 1927 г.³⁹

Центральное управление курортами Крыма хотело приспособить Большой Ливадийский дворец под санаторий Коминтерна еще в 1921 г.⁴⁰ Вернулись в этому вопросу в 1924 г., когда после отмены местных выборов (сентябрь – октябрь 1924 г.) руководство партии и страны решило организовать первый в мире крестьянский санаторий. Сделано это было для упрочнения своего влияния на крестьянство. В решении Всесоюзного совещания батраков (проходило 11–18 ноября 1924 г. в рамках VI съезда профессиональных союзов СССР) говорилось о необходимости выделения для батрачества коек и мест в санаториях, домах отдыха и курортах в Крыму и на Кавказе⁴¹.

В конце 1924 г. в СНК РСФСР обсуждался вопрос об использовании Ливадийских дворцов в качестве курортов для рабочих и крестьян. 10 февраля 1925 г. Малый СНК РСФСР вынес постановление об организации в Ливадийском городке санатория для бесплатного лечения крестьян на 300 коек. 20 февраля было издано соответствующее постановление СНК РСФСР. Санаторий должен был размещаться в Большом и Малом Ливадийских дворцах, бывших Свитский и Министерский домах. 4 апреля был подписан акт о передачи дворцов Наркомздраву РСФСР. Санаторий для крестьян принял первых отдыхающих 30 апреля 1925 г.⁴²

С одной стороны, создание крестьянского курорта вписывалось в общую политику государства по отношению к курортному лечению. После объявления в 1919 г. всех курортов национальным достоянием советская власть решила использовать их

³⁷ Андросов С.А. Ливадийский дворец: первая попытка создания музея (1920–1927 гг.) // Историческое наследие Крыма. 2019. Симферополь, 2019. С. 115–116. EDN: UOSOGA

³⁸ Подробнее о работе этого дома отдыха см.: Палькеева Е.А. Ливадийский курорт в первые годы советской власти // Романовы и Крым. Научные чтения в Ливадии : сб. материалов науч.-практ. конф., Ялта, 18-19 мая 2018 года. Ялта, 2018. С. 84–94. EDN: VSNIOA

³⁹ Селиверстова К.Н. Судьба Ливадийских дворцов после установления Советской власти: проблема сохранения исторического наследия // Культурное наследие Северного Кавказа как ресурс межнационального согласия : сб. науч. статей по итогам междунар. науч. форума, Геленджик, 13–15 октября 2017 года / отв. ред. И.И. Горлова. Краснодар, 2018. С. 183, 190. EDN: OHRIKI

⁴⁰ Там же.

⁴¹ Кузнецова С., Жирнов Е. «Роскошь повсюду сказочная» // Коммерсантъ История. 11.08.2018. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/3708860> (дата обращения: 15.10.2024).

⁴² Андросов С.А. Ливадийский дворец... С. 120; Селиверстова К.Н. Судьба Ливадийских дворцов...

в качестве «ремонтных мастерских для рабочих» и «мест нового быта». Это означало, что курорты должны были лечить рабочего для построения нового общества и обучать его гигиеническим и профилактическим навыкам, рациональному отношению ко времени и телу. Последнее достигалось с помощью лекций и культурно-массовых мероприятий⁴³.

С другой стороны, открытие крестьянского курорта в Ливадийском дворце имело символическое значение. «В царские дворцы вошли настоящие хозяева земли русской – крестьянин бедняк и середняк, потом которых построены эти дворцы» – так Н.А. Семашко характеризует прибытие крестьян на курорт⁴⁴. Отдыхающими должны были стать «исключительно крестьяне от сохи». К маю 1925 г. в Ливадии было уже 262 отдыхающих из 30 областей и 7 союзных и автономных республик СССР⁴⁵. С 1 октября 1927 г. Малый Ливадийский дворец перестал быть музеем и отошел санаторию. В парадных залах, личных комнатах членов императорской семьи размещались крестьяне⁴⁶.

Советская власть подчеркивала отличия новых курортов от дореволюционных. В журнале «Красная нива» образ нового советского курорта формировался с помощью противопоставления «было» / «стало». Дореволюционные курорты рассматривались как места отдыха для немногих избранных, в то время как советские курорты позиционировались как доступные для широких масс трудящихся⁴⁷. С 1930-х гг. попасть туда уже можно было только в качестве поощрения за хорошую работу. Курорты стали рассматриваться как репрезентация роскоши и богатства государства, а их лечебная функция отошла на второй план⁴⁸.

Власти Узбекистана знали о происходящем с Ливадийским дворцом. На торжественном открытии крестьянского санатория присутствовал представитель Узбекской ССР, который напомнил отдыхающим и другим гостям, что «в Бухаре эмир жил за счет узбекских крестьян, имел свои дворцы»⁴⁹.

Помимо дворца в Железноводске у эмира Бухарского были дворцы в Ялте. В 1921 г. в одном из них был открыт Восточный музей⁵⁰. В 1926 г. в Узбекской ССР была предпринята попытка сделать из него дом отдыха. Но специальная комиссия обследовала дворец и пришла к выводу, что он может быть использован исключительно в качестве музея⁵¹. Другой ялтинский дворец эмира был передан трудящимся Узбекистана в 1924 г. С 1927 г. там работал санаторий для лечения больных туберкулезом⁵².

⁴³ Сидорчук О.Н. Журнал «Красная нива» – источник изучения развития курортов в 1920–30-е гг. // Интерэкспо Гео-Сибирь. 2023. Т. 5. № 1. С. 55. DOI: 10.33764/2618-981X-2023-5-53-61 EDN: RXVSNL; Кузнецова Л.А. Дискуссии о форме и содержании советского курортного отдыха (1920-е – 1930-е гг.) // Вестник Пермского университета. История. 2018. № 4 (43). С. 100–102. DOI: 10.17072/2219-3111-2018-4-98-106 EDN: VPETSK

⁴⁴ Как открывали крестьянский санаторий в Ливадийском дворце. М., 1925. С. 8.

⁴⁵ Багдасарян С.Д. Феномен крестьянского курорта в Советской России 1920-х гг. // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2012. № 1. С. 82. EDN: PJSYFD

⁴⁶ Селиверстова К.Н. Судьба Ливадийских дворцов... С. 190.

⁴⁷ Сидорчук О.Н. Журнал «Красная нива»... С. 55.

⁴⁸ Кузнецова Л.А. Дискуссии о форме и содержании... С. 102–103.

⁴⁹ Как открывали крестьянский санаторий... С. 46.

⁵⁰ Селиверстова К.Н. Судьба Ливадийских дворцов... С. 183.

⁵¹ По СССР // Вечерняя Москва. 1926. 1 июня. С. 2.

⁵² Батырбеков А.С. О деятельности санатория «Узбекистан» // Тезисы докладов научно-практической конференции, посвященной 40-летию организации санатория «Узбекистан», 15 октября 1964 г. Ялта, 1964. С. 3.

Отношение к дворцам эмира Бухарского в Узбекской ССР было схожим с отношением к подобным дворцам в РСФСР. В летней резиденции эмира Бухарского в Ситораи Мохи-Хосса в 1927 г. был организован музей декоративно-прикладного искусства. Одна из экспозиций музея была посвящена быту Бухарского эмира⁵³.

Царские и эмирские дворцы в 1920-е гг. использовались властями в качестве музеев, показывавших быт правителей. Они были открыты для широкой публики, которая должна была увидеть зажиточность и богатство резиденций. Вместе с тем дворцы приспособлялись также для санаторного лечения. В результате прибывавшие сюда трудящиеся могли здесь не только поправить здоровье, но и ознакомиться с роскошными интерьерами прежних владельцев. Власть всегда подчеркивала, что истинными хозяином дворцов стал сам народ и что здания, построенные «потом и кровью» крестьян и рабочих, перешли к «настоящим хозяевам». В этой связи и власти Узбекской ССР хотели организовать во дворце эмира Бухарского в Железноводске показательный курорт для трудящихся своей республики, тем более что здесь уже с 1914 г. функционировал санаторий, что отличало его от дворцов Ливадии, где останавливалась царская семья.

Однако организовать узбекский санаторий во дворце эмира Бухарского в Железноводске не получилось. Народный комиссар здравоохранения Н.А. Семашко 5 февраля 1927 г. указывал в этой связи на то, что

трудящиеся Узбекской ССР наравне с трудящимися других республик Союза имеют возможность получить лечение на курортах РСФСР, в том числе не только в Железноводске и в б. дворце эмира Бухарского, в частности, но также и в Ливадийском дворце в Ялте⁵⁴.

Нарком, по сути, предлагал узбекской стороне воспользоваться услугами РСФСР для курортного лечения своих граждан, что могло иметь и пропагандистскую цель. Но очевидно, что узбекские власти хотели лишь повторить применяемую в РСФСР практику использования царских дворцов, тем более что в Железноводске можно было совместить пропагандистские задачи с санаторным лечением.

Заключение

Восприятие наследия Бухарского эмирата в советский период было схожим с восприятием имперского наследия Романовых. Утилитарное отношение к дворцам, которые превращали в санатории (как в случае с дворцом эмира Бухарского в Железноводске и Ливадийским дворцом в Крыму), отражало общую тенденцию тех лет. Проведенное исследование показывает, что в советский период не уничтожалась культурное наследие прошлого, а напротив, оно было органически встроено в повседневность. Дворцы царствующих особ были востребованы в то время, но их изначальное назначение было переосмыслено. Если до революции в них отдыхали правители, то в 1920-е гг. туда для отдыха направлялись рабочие и крестьяне, от имени которых осуществлялось управление страной.

Руководство Узбекской ССР стремилось копировать практики РСФСР по использованию дворцов бывшего правящего дома. В Узбекистане был организован музей, посвященный быту эмира Бухарского. Дворец в Железноводске также планировалось использовать, с одной стороны, в утилитарных целях как санаторий, с другой

⁵³ Ситораи Мохи-Хосса // Бухарский государственный музей-заповедник [сайт]. URL: <https://www.bukharamuseums.uz/ru/katalog/item/sitorai-mokhi-khossa> (дата обращения: 15.10.2024).

⁵⁴ ГАРФ. Ф. А259. Оп. 106. Д. 2226. Л. 2.

как историческое пространство в пропагандистских целях, демонстрировавших возврат собственности бывших эксплуататоров трудящимся республики. Для узбекского народа передача дворца имела бы еще и символическое значение, демонстрировавшее преемственность Бухары и Узбекистана. Однако этим планам не удалось сбыться, и дворец остался в собственности РСФСР.

Следует отметить, что в разных странах дворцы являются особыми объектами мемориальной политики, однако советское руководство не позволило превратить дворец эмира Бухарского в Железноводске в мемориальное сооружение, и он продолжал выполнять утилитарные функции в качестве санатория для трудящихся (сменяя лишь названия: санаторий имени Бухарина, затем имени Эрнста Тельмана, наконец, санаторий «Ударник» и потом вновь имени Эрнста Тельмана).

Поступила в редакцию / Submitted: 16.10.2024

Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing: 18.02.2025

Принята к публикации / Accepted for publication: 12.03.2026

References

- Abashin, S. “Natsiostroitel’stvo i natsionalizm: Sredniaia Azia [Nation Building and Nationalism: Central Asia].” *Russia and the Moslem world*, no. 12 (2009): 112–132 (in Russian).
- Androsov, S.A. “Livadiiskii dvorets: pervaiia popytka sozdaniya muzeya (1920–1927 gg.).” [Livadia Palace: the first attempt to create a museum (1920–1927)] in *Istoricheskoe nasledie Kryma. 2019* [The historical heritage of Crimea. 2019], 114–121. Simferopol: Antikva Publ., 2019 (in Russian).
- Bagdasarian, S.D. “The Phenomenon of Peasant Resort in Soviet Russia of the 1920-s.” *Bulletin of the Moscow State Regional University. Series: History and Political Sciences*, no. 1 (2012): 79–86 (in Russian).
- Boltunova, E. “Great-power statehood Soviet-style: the imperial space of the Soviet 1970s.” *New Literary Observer*, no. 5 (2013): 89–103 (in Russian).
- Boltunova, E.M. “Dvorets kak chast’ sovetskogo/postsovetskogo gorodskogo landshafta (na primere Putevogo dvortsa Ekateriny II v Tveri) [The Palace as a part of the Soviet/post-Soviet urban Landscape (using the example of Catherine II’s Travel Palace in Tver)].” *Trudy “Russkoi antropologicheskoi shkoly”*, no. 11 (2012): 127–155 (in Russian).
- Boltunova, E.M. “Zhizn’ posle smerti: tronnye zaly Rossiiskoi imperii v sovetskoe/postsovetskoe vremya (na primere Granovitoi palaty Moskovskogo Kremlya) [Life after Death: throne Rooms of the Russian Empire in Soviet/Post-Soviet Times (using the example of the Faceted Chamber of the Moscow Kremlin)].” *Trudy “Russkoi antropologicheskoi shkoly”*, no. 8 (2011): 151–171 (in Russian).
- Brezhneva, S.N. “The visits of the rulers of Russia’s Central Asian protectorates to St. Petersburg at the turn of the 20th century: communicative practice.” *RUDN Journal of Russian History* 20, no. 3 (2021): 411–425 (in Russian), <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2021-20-3-411-425>
- Ishanov, A.I. *Sozdanie Bukharskoi Narodnoi Sovetskoi Respubliki (1920–1924 gg.)* [Creation of the Bukhara People’s Soviet Republic (1920–1924)]. Tashkent: Akademiya nauk Uzbekskoi SSR Publ., 1955 (in Russian).
- Khalid, A. *Making Uzbekistan: Nation, empire, and revolution in the early USSR*. Ithaca, London: Cornell University Press, 2015.
- Kuznetsova, L.A. “Discussions on the form and content of the soviet resort rest (the 1920s – 1930s).” *Perm University Herald. History*, no. 4 (2018): 98–106 (in Russian), <https://doi.org/10.17072/2219-3111-2018-4-98-106>
- Kuznetsova, L.A. “Resort Construction in the 1930-1950s : Issues of Organization and Administration.” *Trudy Instituta rossiiskoi istorii RAN*, no. 12 (2014): 244–262 (in Russian).
- Malorod, D.D. “Household museum in the Yelagin palace in 1910s-1920s.” *Museum. Monument. Heritage*, no. 2 (2021): 88–100 (in Russian).

- Pal'keeva, E.A. "Livadiiskii kurort v pervye gody sovetskoi vlasti [Livadia resort in the early years of Soviet rule]." in *Romanovy i Krym. Nauchnye chteniia v Livadii: sbornik materialov nauchno-prakticheskoi konferentsii, Ialta, 18–19 maia 2018 goda* [The Romanovs and the Crimea. Scientific readings in Livadia: collection of materials of the scientific and practical conference, Yalta, May 18-19, 2018], 84–94. Yalta: Antikva Publ., 2018 (in Russian).
- Pavlov, M., Pol'skaya, E. "Dvorets Ehmira Bukharskogo [The Palace of the Emir of Bukhara]." *Pamiatniki Otechstva*, no. 49 (2001): 134–137 (in Russian).
- Popov, A.D. A "Memorial Building as a Source for the History of Memory: An Integrated Approach to Studying." *Ural Historical Journal*, no. 3 (2024): 98–106. [https://doi.org/10.30759/1728-9718-2024-3\(84\)-98-106](https://doi.org/10.30759/1728-9718-2024-3(84)-98-106) (in Russian).
- Seliverstova, K.N. "Sud'ba Livadiiskikh dvortsov posle ustanovleniia Sovetskoi vlasti: problema sokhraneniia istoricheskogo naslediiia [The fate of Livadian palaces after the establishment of Soviet power: the problem of preserving historical heritage]." in *Kul'turnoe nasledie Severnogo Kavkaza kak resurs mezhnatsional'nogo soglasiia: sbornik nauchnykh statei po itogam mezhdunarodnogo nauchnogo foruma, Gelendzhik, 13–15 oktiabria 2017 goda* [The Cultural Heritage of the North Caucasus as a resource of interethnic harmony: collection of scientific articles based on the results of the International scientific forum, Gelendzhik, October 13-15, 2017], 182–193. Krasnodar: Ecoinvest Publ., 2018 (in Russian).
- Sidorchuk, O.N. "The journal 'Red Niva' as a source for studying the development of resorts in the 1920–30s." *Interexpo GEO-Siberia 5*, no. 1 (2023): 53–61 (in Russian), <https://doi.org/10.33764/2618-981X-2023-5-53-61>
- Tomsinov, V.A. "Cesarevitch Nikolay Aleksandrovich's Nice memorial case (second article)." *Moscow University Bulletin. Series 11. Law*, no. 2 (2011): 12–33 (in Russian).
- Tomsinov, V.A. "Cesarevitch Nikolay Aleksandrovich's Nice memorial case (forth article)." *Moscow University Bulletin. Series 11. Law*, no. 4 (2011): 16–35 (in Russian).

Информация об авторе / Information about the author

Егор Андреевич Боголюбов, кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры теории и истории права и государства, НИУ Высшая школа экономики (г. Санкт-Петербург); 194100, Россия, Санкт-Петербург, Кантемировская ул., 3А; bogolubovegor@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0002-9312-7793>; SPIN-код: 7956-0843.

Egor Andreevich Bogoliubov, PhD in History, Senior Lecturer of the Department of Theory and History of Law and State, HSE University (Saint-Petersburg), 3A, Kantemirovskaya Str., Saint Petersburg, 194100, Russia; bogolubovegor@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0002-9312-7793>; SPIN-code: 7956-0843.